

Театр

В ДОЛИНЕ ЛЕГЕНД

Ныне в академическом Большом театре Узбекской ССР имени А. Навои — премьерные дни: осуществлена постановка балета 28-летнего композитора Улугбека Мусаева «В долине легенд», созданного по мотивам широко известной на Востоке, переведенной на многие языки «Кашмирской песни», одной из тех жемчужин фольклора, где в поэтической, сказочной форме как бы слиты вековые народные представления об идеале добра, любви, цветущего торжества жизни. Автор «Кашмирской песни» Ш. Рашидов рассказывал однажды, что основой ее стали несколько услышанных им у подножия Гималаев устных вариантов древней легенды, отличавшихся в деталях, но единых в главном — в мечте о весне, соединяющей влюбленных, о свободе, дорожке которой нет ничего на свете.

Персонажи этой легенды: цветы и прекраснейшая девушка — цветок Наргис, пчелы и их могучий повелитель — юноша-богатырь Бамбур, жестокие и беспощадные завоеватели, сметающие на своем пути все живое. Материал для балета привычный, но отнюдь не простой. Ведь сюжетная сказочность, так «удобная» для балета, не раз подводила постановщиков, берущихся за воплощение той или иной легенды, но не находивших решений, в которых за событийностью выявлялась бы философия и глубина народной поэзии.

Ромео и Джульетта, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Тахир и Зухра — вечная песнь разных народов мира о любви, но как многообразна она, как неисчерпаема! Любовь Наргис и Бамбура — еще одна мелодия этой человеческой песни. Так и стремится ее донести театр.

«В долине легенд» — балет четкого и динамичного сюжетного развития, но для его стилистики чрезвычайно важны и действенный танец, и танец-образ, передающий настроение, состояние героев. Эти сюжетные танцы, соединяемые монологами и дуэтами главных героев, сообщают спектаклю симфоническую цельность и поэтическую обобщенность единой формы зрелища сказочного и возвышенного, в котором точна мера условности.

На афише спектакля стоит имя народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Юрия Григоровича. Он — художественный руководитель постановки, бывший у истоков ее, начиная от первых прослушиваний музыки, работы над либретто, поиска хореографического решения с балетмейстерами-постановщиками Юлаем Скотт и Юрием Папко, и кончая первым прогоном балета. И это творческое содружество принесло ощутимые плоды.

Молодые хореографы Ю. Скотт и Ю. Папко, лауреаты всесоюзных конкурсов, показали в этой постановке зрелое и ярко выраженное понимание современных тенденций балетного театра, попытались пойти непрото-

ренными путями, отыскивая свой, оригинальный пластический образ спектакля.

Национальный колорит «В долине легенд» входит в ткань классического танца ненавязчиво и убедительно просто — слегка измененной окраской привычного движения, позы, акцентом рук. Зато в дуэтах Наргис и Бамбура национальное своеобразие уже становится главным содержанием танца, не теряющего классической формы, но приобретающего восточную утонченность, живописность миниатюр. Эти танцы особенно хороши на фоне плывущего на протяжении всего спектакля задника, как бы разворачивающегося свитка, решенного художником Александром Боимом в традициях древневосточной миниатюры. Это — тонкая живопись, то с преобладанием солнечного рассветного тона, нежно зажигающего цветы, то тревожащая угольно-черным силуэтом поникшего сада в золотисто-багровом пожаре нашествия, то расцветающая, будто перо жар-птицы, в изысканном и нежном букете цветов и цвета.

Безусловно, и постановщики, и художник черпали свое вдохновение в музыке У. Мусаева, в ее яркой театральности, драматической контрастности, лирической открытости. В музыкальной драматургии балета есть две кульминации, которые буквально заворачивают зал. Это — адажио Наргис и Бамбура, дуэт-заклинание, дуэт-мечта, которые начинаются под звуки национальных инструментов — сначала тамбура, потом сато. И инструменты эти, подержанные акварельным звучанием симфонического оркестра, придают теме любви героев поэтичную пронзительность. Потом, в финале, две темы эти сольются в одну — в победное торжество любви и жизни.

В этих драматических и музыкальных кульминациях особенно ощутима роль дирижера

Гани Туляганова, тонко чувствующего богатую красками партитуру балета.

БАЛЕТ исполнен вдохновенно, заставляя нас увидеть всю труппу в чем-то по-новому, в неразрывности ансамблевого единства. Практически в нем занята вся балетная труппа, все солисты. И слаженность, культура хореографического исполнения, точность в воплощении замысла — еще одно свидетельство того, что спектакль обогатил театр, позволил раскрыть свои возможности в создании произведений большого идейно-художественного звучания.

У известной узбекской балерины народной артистки СССР Бернары Кариевой — большой репертуар. Но образ Наргис стал для нее той ролью, которой всегда ждет артист в жажде новых открытий. Б. Кариева несет тему любви и с радостью, и с трепетом, и с затененной скорбью; в ее танце неразрывны академическая строгость и нежность восточной пластики. И если новая партия так обогатила опытного мастера, что же можно сказать о молодежи театра — Назире Якубовой, воплотившей образ мудрой богини весны — Бахор, Игоре Кистанове, танцующем богатыря Бамбура, Константине Фридлянде, передавшем в танце характер жестокого Хоруда, Владиславе Егае, выступившем в партии коварного Дурмана. Эти работы стали для актеров настоящей школой творческого роста.

...Начал жить яркий, своеобразный спектакль. Он стал в творческом развитии коллектива театра важным этапом, зовущим к новым открытиям.

АЛ. АВДЕЕНКО.

На снимке: сцена из спектакля. Наргис — народная артистка СССР Бернара Кариева, Бамбур — Игорь Кистанов.

Фото О. Германа.